

Искать свой особый путь

Нуреев Р. М.

Мегатренды мирового развития

источник: KNOGG.net

- Рустем Махматович Нуреев - доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой Государственного университета Высшей школы экономики.

С тех пор, когда произошло официальное «рождение» теории постиндустриального общества, прошло уже более тридцати лет. Настало время подводить предварительные итоги того, насколько оправдались предсказания Д. Белла, О. Тоффлера, Л. Туроу и прочих исследователей. Попытку такого подведения итогов представили нам В. Иноземцев и В. Красильщиков. С одной стороны, «грядущее постиндустриальное общество» становится, утверждают они, все более реальным и осязаемым. В сущности, для развитых стран Запада (Северная Америка + Западная Европа = «Еврамерика») оно стало уже не «грядущим», а настоящим. С другой же стороны, очевидно, что дверь в этот «дивный новый мир» довольно узка, и далеко не все могут в нее войти. Создалась парадоксальная ситуация: в то время как сравнительно небольшая группа развитых стран Запада уже явно стоит на пороге этой двери, другие страны мира осознают, что их путь к вожделенному порогу стал не короче, а, наоборот, длиннее, чем казалось в 60-е гг. Именно этот острый парадокс в последнее время находится в центре исследований В. Иноземцева.

В. Иноземцев - единственный в России социолог, специализирующийся на проблемах теории постиндустриального общества и сумевший создать собственную версию (концепцию «постэкономического общества»). Его идеи в последние годы получили широкую известность, а большинство специалистов признают, что эти исследования актуальны и необходимы для правильного понимания итогов XX в. и перспектив третьего тысячелетия. Сегодня, сопоставив идеи В. Иноземцева и В. Красильщикова, мы имеем возможность по дискутировать на этот счет и, в частности, уточнить постановку некоторых важных теоретических проблем.

Суть в том, что В. Красильщиков в своем докладе солидаризируется с концепцией В. Иноземцева, дополняет ее и в то же время полемизирует с ней. У них один предмет анализа трагический разрыв между продвижением «Еврамерики» к постиндустриальному «дивному новому миру» и неспособностью других стран (в том числе и России) двигаться в кильватере за лидерами. Разница в том, что В. Иноземцев наблюдает за этой гонкой как бы с «корабля-лидера», а В. Красильщиков с тех челнов, плотов и джонок, которые никак не успевают за этими «кораблями современности».

Может быть, именно этим обусловлен тезис В. Иноземцева, согласно которому «современный мир формируется как расколота цивилизация с единым центром силы, представленным сообществом постиндустриальных обществ». Сомнительно прежде всего утверждение, что современный мир образует единую цивилизацию не случайно в самом этом тезисе главный акцент сделан не на единстве, а на расколе. Те выводы, к которым приходит В. Иноземцев, заставляют вспомнить о «Столкновении цивилизаций»

Хантингтона. (Кстати, положение В. Иноземцева о самодостаточности «постиндустриальной цивилизации» очевидным образом противопоставляет ее другим цивилизациям.)

В. Красильщиков также полагает, что «постиндустриальный Запад» становится все более самодостаточным и все менее нуждается в периферийных странах как в источниках сырья и рынках сбыта. Однако если В. Иноземцев склоняется на этом основании к выводу, что даже Япония вряд ли догонит «Еврамерику», то В. Красильщиков, напротив, скрупулезно, с фактами в руках, рассматривает те «ответы», которые пытаются дать неевропейские страны на этот «вызов». Картина получается довольно мозаичная и неоднозначная.

Наименее успешным оказался ответ стран Латинской Америки, которые, по В. Красильщикову, «не совершили никаких серьезных технологических прорывов, а лишь повысили качество, снизили издержки и усовершенствовали производство старых, сугубо индустриальных видов товаров». В результате сохранился порочный круг «бедность необразование бедность», который блокирует любые подходы к постиндустриальному «краю». Боюсь, именно такая судьба ждет и нашу страну, если мы последуем рекомендациям забыть о постиндустриальной перспективе ради более реальных задач завершения индустриальной модернизации.

Возникает вопрос, насколько корректно рассматривать «сообщество постиндустриальных обществ» как единый центр силы. В. Иноземцев довольно убедительно доказывает, что Япония еще не вошла в это сообщество; в таком случае оно состоит только из Северной Америки и Западной Европы. Но даже если полностью согласиться с этим тезисом, все же вряд ли можно рассматривать «Еврамерику» как единое целое с точки зрения как культурных традиций, так и экономических моделей. Поэтому современный мир все же скорее двух-, а не однополярный. Кроме того, отношение В. Иноземцева к Японии и азиатским новым индустриальным странам несколько гиперкритично. «Миф о японском чуде фактически развеялся», заявляет он, но на месте мифа осталась вполне реальная высокоразвитая держава, которая сумела «измениться, не изменяя себе» и находится к «сообществу постиндустриальных обществ» все же гораздо ближе, чем какая-либо другая страна. Развитие Азиатско-Тихоокеанского сообщества в перспективе вполне может привести к созданию экономического блока, равного ЕС и НАФТА. С другой стороны, внутри самих стран «Еврамерики» постиндустриальность развивается весьма неравномерно: если высокообразованные интеллектуалы Силиконовой долины и «Чивирлы» давно живут в мире ценностей XXI в., то жители негритянских и латиноамериканских гетто еще не вполне расстались с XIX в. В любом случае надо признать, что структура современного мира заметно сложнее упрощенной монополярной схемы. Постиндустриальность расплывается по миру, как бензиновые пятна по мокрому асфальту: где-то она «гуще», где-то «жиже», а где-то ее еще нет вообще. Но постиндустриальных «пятен» все же несколько, а не одно-единственное.

В. Красильщиков рассматривает опыт новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока гораздо благожелательнее. Приводимые им данные свидетельствуют, что в этом регионе развитие системы образования опережало развитие индустрии, а потому здесь удалось развивать не только традиционные, но и самые передовые технологии. Однако местные системы образования при всей их массовости имеют один громадный минус они воспитывают эффективного исполнителя, а не творца. Действительно, историки знают специфику конфуцианской образованности: здесь знание окружено ореолом уважения, но нет механизмов его качественного обновления «мудрость прошлого» можно комментировать, развивать, уточнять, но ни в коем случае не отвергать. В XX в. произошла смена ориентиров объектом познания стала западная техника, но

установка на «доделывание» полностью сохранилась. Соответственно и в самом производстве стран конфуцианского мира традиции корпоративизма препятствуют возникновению тех, кто «возм ущает спокойствие».

Вот здесь-то и возникает главная проблема возможно ли странам с конфуцианской культурой (не говоря уже о мирах буддизма и ислама) найти оптимальное соотношение между своими традициями общинности и солидарности, которые помогают поддерживать стабильность, и индивидуализацией, стремлением человека к самовыражению, без чего невозможна творческая деятельность. Такая постановка вопроса полемична по отношению к мнению В. Иноземцева, будто постиндустриальное общество нельзя построить, оно может только эволюционно вырасти. Неевропейские страны в принципе не могут надеяться на то, что новая идея, «новое мышление», позволяющее соединить коллективизм и креативность, сложится само собой.

В институциональной теории есть понятие «зависимость от предшествующего развития»: существующая системная целостность допускает отнюдь не любые спонтанные институциональные изменения. Кроме того, спонтанное развитие культурных, неформальных институтов происходит очень медленно. Поэтому «не-Западу» придется идеологию постиндустриальной модернизации именно конструировать, изобретать альтернативой может быть только гибель «незападных» цивилизаций как самостоятельных хозяйственно-культурных систем. Итак, можно сделать вывод, что для прорыва в «чудный новый мир» необходимо следовать девизу: «Знания превыше всего, но идеология превыше знаний». Если не будет сконструирован новый идеологический фундамент, позволяющий сочетать коллективизм и креативность, то повышение образованности народов «не-Запада» будет только обеспечивать «Еврамерику» бесплатными дарованиями, которым не нашлось места в родном отечестве (вспомним хотя бы русского В. Леонтьева или индийца А. Сена).

Таким образом, тезис, согласно которому постиндустриальное общество не может быть построено, а единственным путем его становления является эволюционное развитие, не может не вызывать сомнений. Даже Силиконовая долина выросла отнюдь не как дикое растение, ее заботливо «поливали» государственными заказами. Либеральное преклонение перед стихийным саморазвитием является, на наш взгляд, скорее идеологической доктриной, чем практической программой. Трудно найти национальную модель, которая не носила бы на себе отпечатка сознательных действий строителей Ф. Рузвельта в США, М. Тэтчер в Великобритании, Л. Эрхарда в Германии и т. д.

С другой стороны, если постиндустриальный мир эволюционно вырастает из индустриального с некоторым обязательным лагом времени («сроком беременности»), резко сократить который вряд ли возможно, то вполне понятны причины временного торможения Японии. Для формирования нового типа человека (работающего уже не ради заработка, а ради реализации стремления к творчеству *homo creativus*) должно смениться несколько поколений, чтобы из социальной памяти общества ушел страх перед нищетой и иными катаклизмами. Вполне понятно, что японское общество обременено этой памятью гораздо сильнее, чем страны, победившие во Второй мировой войне. Тогда отсутствие «собственных технологических прорывов» Японии вполне объяснимо еще не пришло их время, хотя семена уже посеяны и их вызревание неотвратимо. В любом случае, согласимся мы с возможностью «постиндустриального строительства» или отвергнем его, шансы Японии и новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии отнюдь не так плохи, как утверждает В. Иноземцев.

Его вывод о том, что «нигде и никогда апологетам «догоняющего» развития не удалось сделать его самовоспроизводящимся», слишком категоричен может быть, пока не удалось? Этот вывод явно нацелен на переоценку опыта Японии и новых индустриальных стран в Азии, однако кризис 1997 г. еще не конец истории. Япония, Корея, Сингапур и другие страны конфуцианского региона давно инвестируют огромные средства на развитие системы образования (и на это особое внимание обращает В. Красильщиков), так что возможности для перехода от использования преимуществ дешевого труда к использованию преимуществ творческой деятельности у них есть.

Что касается роста самодостаточности «постиндустриальной цивилизации», то надо сделать одну оговорку: здесь заслуга не только ресурсосберегающих технологий, снижающих потребность в сырье, но и сознательно созданных политических условий. Когда от СССР остались враждующие друг с другом слабосильные (в политическом отношении) республики, а поползновения Саддама Хусейна монополизировать нефть на Ближнем Востоке смела «Буря в пустыне», вполне закономерно, что цены на ресурсы не слишком высоки. Кроме того, постиндустриальная цивилизация довольно хрупка: компьютерный «Апокалипсис 2000» не состоялся, но кто поручится, что виртуальные ресурсы не станут в один прекрасный момент объектом сознательной атаки тех, кому не досталось крошек постиндустриальных благ? Поэтому «постиндустриальное сообщество» все же не может полностью игнорировать отстающих и стать действительно самодостаточным.

В заключение несколько слов о России в контексте постиндустриальной перспективы. Я не склонен разделять излишний пессимизм В. Иноземцева, полагающего, что «Россия окончательно упустила шанс занять место в списке стран-лидеров постиндустриального мира и никогда не сможет претендовать на подобное место». Никогда не говори «никогда» Соответственно и рекомендация стремиться лишь к статусу «развитой индустриальной страны», не пытаюсь найти пути вхождения в «круг постиндустриальных держав» тоже вызывает сильные сомнения. Развитие креативности работников помогает одновременно решать и индустриальные, и постиндустриальные задачи, поэтому вряд ли их следует противопоставлять. Позволю себе повторить, что рекомендуемый В. Иноземцевым рецепт может привести Россию туда, куда пришли выбравшие именно такую стратегию страны Латинской Америки.

Однако В. Красильщиков еще более пессимистичен в отношении будущего нашей страны, чем В. Иноземцев. По его мнению, «в России практически отсутствуют или очень слабы социальные субъекты догоняющей позднеиндустриальной модернизации» патриотически настроенные элиты. Увы, увы, увы За годы «ельцинизма» слово «патриот» действительно стало у нас почти бранным, используемым в основном политическими клоунами из ЛДПР. А новая идеология, сочетающая коллективизм и креативность, возможна только на патриотической основе. Это одна из институциональных ловушек: в стремлении приобщиться к западным ценностям разрушался собственный культурный фундамент, в результате чего страна превращалась в совокупность потенциальных мигрантов, с завистью поглядывающих на вожделенную «заграницу».

Но, может быть, еще «Россия вспрыгнет ото сна»? Залогом тому могут служить некоторые особенности нашей хозяйственной культуры Россия является одновременно самой восточной из стран Запада и самой западной из стран Востока. У нас также коллективистские ценности заметно преобладают над индивидуалистическими, но все же вполне допустимо культивирование оригинального и нестандартного мышления и поведения (при условии, что эта оригинальность не сводится к заботе о собственном кошельке). Поэтому выработка «нового мышления», синтезирующего дух коллективизма

и творческое самовыражение, может происходить у нас более легко, чем в иных европейских странах.

Обнадеживает, что новое государственное руководство демонстрирует стремление искать именно свой путь, а не «вливаться» в «Еврамерику», поставив жирный крест на собственной истории и культуре.

© Нуреев Р. М.

© Центр исследований постиндустриального общества. 2001, Отв. ред. Ильин М. В., Иноземцев В. Л.